
Лола
МАГНУМ
Когда влюблён
ОПАСЕН
спецназовцы
бывшими не бывают
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Лола Магнум

Опасен, когда влюблён. Спецназовцы бывшими не бывают

«Автор»
2026

Магнум Л.

Опасен, когда влюблён. Спецназовцы бывшими не бывают / Л. Магнум — «Автор», 2026

Он — воплощение холода, цинизма и лени. Бывший спецназовец, прошедший через ад боевых действий, он превратился в машину для убийства. Его жизнь была размеренной, наполненной одиночеством и случайными связями с женщинами.Она — его полная противоположность. Яркая, горячая, темпераментная журналистка, видящая мир в ярких красках, полная желания найти правду и всем о ней рассказать.

© Магнум Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 19
Глава 7 22
Глава 8 25
Глава 9 28
Глава 10 31
Глава 11 34
Глава 12 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Лола Магнум
Опасен, когда влюблён.
Спецназовцы бывшими не бывают

Пролог

Он был воплощением холода, цинизма и лени. Бывший спецназовец, прошедший через ад боевых действий, он превратился в машину для убийства. Эмоции были для него чужды, привязанности – слабостью. Он жил в мире, где царили приказы, выполнение которых не допускало ни малейшего сомнения.

Когда он вернулся в мирную жизнь, его жизнь была размеренной, наполненной одиночеством и случайными связями с женщинами.

Она была полной его противоположностью. Яркая, горячая, темпераментная журналистка, видящая мир в ярких красках, полная жизни, сострадания и желания помочь. Найти правду и всем о ней рассказать. Ее сердце было открыто, ее душа стремилась к красоте и гармонии. Случайная встреча в дождливом Санкт-Петербурге, когда они случайно столкнулись на улице, стала началом их невероятной истории.

Кира со своим желанием докопаться до правды полезла туда, куда не следовало… на неуёмную журналистку объявляют охоту и ему предстоит принять непростое для себя решение: оставить её разбираться самой, или помочь, и снова окунуться в мир насилия и тьмы.

Глава 1

Дрон

Я ненавидел дождь.

Особенно этот — холодный, мелкий, пробирающийся под воротник, словно назло. Санкт-Петербург умел быть пакостным. Шелковое небо, серое и низкое, висело над головой, словно предупреждая: «Ты здесь лишний».

Я и был лишним.

Закурил, затянулся, выпустил дым в сырой воздух. Сигарета горела вяло, будто и ей было всё равно. Как и мне.

Пять лет на гражданке, а ощущение, будто всё вокруг — декорации. Люди спешат, смеются, целуются у метро, а я…

Я просто существую. Как автомат на предохранителе. Без цели. Без смысла.

Мысли текли лениво, как вода в затхлой луже.

В спортзал? Вчерашняя тренировка до сих пор отзывалась дрожью в мышцах, будто я не жим штангу делал, а нелегально разгружал вагоны с цементом. Домой? После вчерашней пьянки там был настоящий ад — пустые бутылки, смятые простыни, запах дешёвого парфюма, который, кажется, пытался меня прикончить. Клининг вызвать забыл. Опять.

Решено — в бар. Там всегда можно найти кого-нибудь на ночь. Без обязательств, без разговоров. Просто тело, тепло, временное забвение. Или хотя бы бесплатную закуску, если повезёт.

Я сделал шаг, и тут в меня врезалось нечто, едва превышающее моё плечо.

Удар был несильный, но неожиданный — как утро после слов «Я больше не пью». Я даже не пошатнулся, рефлексы сработали быстрее мысли, только сигарета от удивления выпала из моих губ.

Видимо, тело помнит, что делать, даже когда мозг уже давно в отпуске. Рука сама схватила незнакомку за плечо, чтобы та не рухнула на асфальт, как мои моральные принципы в прошлую пятницу.

Голосок — лёгкий, звонкий, как колокольчик, но с оттенком испуга, будто его владелица только что наступила на любимого кота. Я опустил взгляд.

Передо мной стояла девушка. Брюнетка с карими глазами, которые сейчас были слегка расширены — то ли от неожиданности, то ли от осознания, что врезалась не в воздух, а в меня. Капли дождя застряли в её ресницах, одна даже скатилась по щеке, как слеза. Эффектно. Почти как в дораме.

— В следующий раз смотри под ноги, — буркнул я, отпуская её.

Она нахмурилась.

— А вы могли бы просто извиниться.

Я усмехнулся. Честно говоря, слегка охренел от такой наглости.

— За что? За то, что ты врезалась в меня?

— Потому что вы стояли посреди тротуара, как столб!

В её голосе появились нотки раздражения. Забавно.

— Ну ёпта, — я снова достал сигарету, принципиально прикурил и затянулся, выпуская дым в её сторону. — Это запрещено?

Она скривилась, замахала перед лицом руками, будто отгоняла злых духов.

— Нет, просто невежливо.

— А мне плевать на вежливость.

Она посмотрела на меня так, будто я только что признался в убийстве.

И тут меня осенило. Яркой вспышкой пронеслось в моей голове, где я её видел…

А ведь она и правда могла так подумать.

Потому что её кратковременное появление в моей жизни было похоже на попадание снаряда в окоп, пару месяцев назад. На том самом светском ужине у Палача, где все притворялись людьми, а она — нет. Потому что ей не надо было притворяться, она им и была — настоящим живым человеком.

Эта самая брюнеточка, Кира Воронцова, тогда чуть не сложила мне спину пополам, а потом практически в лоб спросила Палача: «А вы не убийца, случайно?»

Палач, конечно, не растерялся — улыбнулся, как удав перед завтраком, и вежливо поинтересовался, не перепутала ли она его с кем-то.

А теперь вот она. Та самая ненормальная журналисточка, которая, похоже, не научилась ни мозгами шевелить, ни под ноги смотреть.

Она склонила голову набок, как воробей перед дракой.

— У вас манеры, как у вышибалы в дешёвом клубе.

Я засмеялся.

— А у тебя — как у терьера на наркотиках.

Она вспыхнула, резко развернулась, но я невольно поймал её за локоть.

— Чего ещё?! — она зашипела, как рассерженная кошка, и я почти ожидал, что сейчас она выпустит когти.

Я категорически не был настроен на ролевые игры, поэтому просто резко дёрнул её на себя, впечатывая в свою грудь.

— Бумаги выронила, — кивнул я в сторону лужи.

Она возмущённо открыла рот, чтобы что-то сказать, но я успел первым:

— Подбирай, пока не размокли, — проговорил я практический ее в её пухлый рот, и отпустил, слегка оттолкнув от себя.

Глаза её вспыхнули, но она всё же наклонилась, подхватывая промокший конверт.

— Спасибо, что заметили, — процедила сквозь зубы.

— Не за что, — пожал плечами.

Дождь усиливался. Она попыталась отряхнуть документы, но бумага уже пошла волнами.

— Чёрт! — её голос дрогнул. — Это мои вопросы… К интервью…

Я вздохнул, подобрал один из листков. Размазанные чернила, капли дождя. Надпись ещё читалась: «Коррупция в городской администрации: кто покрывает?» — я аж присвистнул от восторга. Ну ничему жизнь не учит.

— Журналистка! Это кому же ты такие вопросы задавать собралась?

Она выхватила у меня листок, сунула его в сумку.

— Не ваше дело, — буркнула, зыркая на меня своими глазюками.

Я пожал плечами.

— Ну, теперь у тебя есть повод придумать новые. Или скачать с интернета.

Она резко выпрямилась, и я впервые разглядел её как следует. Не просто брюнетка — огонь. Глаза горят, губы сжаты, щёки полыхают румянцем.

— Вы… Вы просто невыносимы!

Я засмеялся.

— Да, и что?

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут раздался громкий хлопок — где-то неподалёку лопнула шина.

Мои мышцы напряглись сами собой.

Старая привычка.

Я резко схватил её за руку, засунул к себе за спину и резко развернулся на звук хлопка.

— Ты вообще нормальный?! — била она меня кулаком в спину. — Что за манера хватать людей?!

Я, тихо выругавшись, отпустил её руку и пожал плечами, но внутри уже проклинал себя. Старая привычка. Звук лопнувшей шины и выстрела когда-то отличал безошибочно. Теперь вот — нет.

— Ошибочка вышла, — пробормотал я, разворачиваясь к ней.

— Ошибочка?! — она фыркнула, поправляя сумку. — Может, тебе ещё и в психушке ошибочка выйдет?

Я закурил снова, просто чтобы чем-то занять руки.

— Может. Но пока не вышла.

Она смотрела на меня, будто я был экспонатом в музее редких психов. Потом резко махнула рукой, и зашагала прочь, бормоча что-то себе под нос.

Я проводил её взглядом. Узкая спина, упругая задница, взъерошенные от влаги волосы, быстрые шаги.

"Нервная какая. Какие все нервные. Один я — душка", — подумал я, отщёлкнул бычок в ближайшую урну и пошёл в том же направлении.

Но я шёл в один бар, а вот куда шагала она — мне было плевать.

А шагала она навстречу крупным неприятностям, к бабке не ходи.

Глава 2

Кира

Дождь стучал по окну редакции, словно торопился вымыть весь Санкт-Петербург до блеска. Я щурилась от света монитора, в тысячный раз вбивая в поисковик очередное имя. Депутат Сергей Дмитриевич Быков. Бывший бизнесмен. А по слухам — бывший бандит.

Я сидела за своим столом, уткнувшись в экран ноутбука, но буквы расплывались перед глазами.

Вместо статьи о новых городских инициативах передо мной снова вставало то самое лицо — холодное, насмешливое, с едва заметной ухмылкой в уголках губ.

Баренцев Матвей Ильич.

Депутат. Бывший криминальный авторитет. Человек, который за пять минут уничтожил мою уверенность в себе, как будто мошку раздавил сигаретой.

Пальцы нервно постукивали по клавиатуре. В голове всплывали воспоминания о том самом провале. О том, как я, полная уверенности, прорвалась на светский ужин Баренцева, вооружившись лишь диктофоном и дерзкой улыбкой.

«Ходят слухи, что ваше криминальное прошлое может помешать работе в парламенте. Как вы это прокомментируете?»

А никак этот гад не стал комментировать! Он надо мной просто поиздевался! И ведь ни один мускул не дрогнул на его лице!

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони.

— Воронцова, ты опять в облаках? — голос шеф-редактора вырвал меня из воспоминаний.

— Нет, просто обдумываю материал, — автоматически ответила я, даже не поворачиваясь.

Но в голове снова звучал его голос, бархатный и ядовитый: «Раз уж мы заговорили о криминале, может, вы назовёте конкретные факты? А то пока что всё звучит как сплетни из подворотни».

Я резко откинулась на спинку кресла, закрыв глаза. Как же я ненавидела этот момент. Как ненавидела саму себя за то, что позволила ему так себя вести.

Я пришла к нему, уверенная, что моя напористость, моя «неотразимая» харизма заставят его раскрыться. Думала, что если ворваться к нему без предупреждения, с горящими глазами и прямым вопросом: «Правда ли, что вы вор в законе?» — он растеряется.

И сознается.

Но он не растерялся.

И не сознался.

— Тьфу! — я громко хлопнула крышкой ноутбука, заставив вздрогнуть коллегу за соседним столом.

— Опять Баренцева вспоминаешь? — усмехнулась Марина, закусывая губу, чтобы не рассмеяться.

Ничего не ответив, я потянулась за чашкой кофе — холодным, оставшимся ещё с утра.

Я полезла, как слепая кошка, даже не проверив, кто передо мной. Не подготовила аргументы, не изучила его прошлое достаточно глубоко. Я думала, что моей энергии хватит, чтобы сломать любую стену.

Но его стена оказалась бронированной.

Я открыла глаза и сделала глоток кофе. Холодный. Горький. Как и мои мысли.

Но я не сдаюсь.

Никогда.

На столе лежала папка с новым досье. Депутат Быков. Бывший «авторитет». Связи с теневой экономикой.

Я провела пальцем по фотографии.

— На этот раз я готова, — прошептала себе.

Быков был не лучше Баренцева. Только хитрее. Официально — успешный предприниматель, меценат, депутат. Неофициально — тот ещё паук, опутавший полгорода своими теневыми схемами.

— Ладно, красавица, — прошептала она себе, закрывая глаза. — В этот раз ты не провалишься.

Страх был для слабаков. А она — Кира Воронцова. И правда стоила того, чтобы за неё бороться.

Даже если в этой борьбе придётся столкнуться с настоящими монстрами.

Дождь. Опять этот бесконечный питерский дождь. Но сегодня он не раздражает. Сегодня он — просто фон, легкий шум за окном, пока я в последний раз просматриваю список вопросов.

«Кира Воронцова, ты готова?» — спрашиваю я себя, ловя отражение в зеркале. Темные волосы, собранные в строгий пучок, черный тренч, красная помада — образ серьезной журналистки. Той самой, которая не боится задавать неудобные вопросы.

Я глубоко вдыхаю.

Сегодня мой шанс. Мое первое большое интервью. Не с каким-нибудь заурядным чиновником или звездой шоу-бизнеса, а с большим политиком нашего города. Очень большим.

Солидный такой мужчина, с потрясающе улыбкой и харизматичный до поскуливания. Но я-то знаю: за этим красивым фасадом скрывается неприглядная правда. И я ее добуду.

Мой блокнот полон заготовленных вопросов. Я продумала все: как начну, куда поведу разговор, какие кнопки нажать, чтобы он не смог уйти от ответов. Он думает, что я просто очередная журналистка, которая пришла за сенсацией? Ошибается.

Я хочу правду. И я ее получу.

Дождь хлещет сильнее, когда я выхожу на улицу. Зонт едва спасает, но мне плевать. В голове уже крутятся заголовки: «Кира Воронцова раскрыла аферу века», «Лучший журналист года — Кира Воронцова!»

Я ускоряю шаг.

Он не знает, но это интервью станет началом чего-то большего. Для него — большого конца. А для меня — началом головокружительной карьеры.

А если он попытается уйти от ответов — тем хуже для него.

Я не отступлю.

Доехав до нужной остановки, вышла из автобуса и полезла в сумку — за зонтом.

— Ну ёлки-палки! — досадливо выругалась.

Я оставила зонт на сидении. Ладно, делать нечего, надо спешить. О самом интервью я договаривалась полгода, используя все свои знакомства, и опоздать ну никак нельзя.

Я шагала по улицам, мысленно вспоминая маршрут до его офиса. Вроде, правильно иду — я повертела головой, ориентируясь на местности, сделала шаг и…

— Ой! — я воскликнула от неожиданности и поняла, что падаю.

Чья-то рука крепко схватила меня за моё плечо и вернула на место.

— Простите, я не заметила, — слова сорвались с губ сами, хотя внутри уже клокотало раздражение. Ну конечно, я же не виновата, так с чего бы я извиняюсь-то?!

Я подняла глаза на того, кого я чуть не зашибла.

Глава 3

Кира

Передо мной стоял молодой мужчина.

Высокий. Очень высокий. Настолько, что мне приходится слегка запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Волосы — платиновый блонд, почти белые, но не выжженные солнцем и не подделка из парикмахерской. Нет, они такие… Холодные. Будто выкованные из настоящего металла, отполированные до мерцающего блеска. Сейчас они слегка влажные от дождя, и капли, словно ртуть, стекают по его вискам, теряются в резких скулах.

В ухе — серьга. Простое колечко, без вычурности, но почему-то кажется, что оно здесь не для красоты. Скорее, как отметина.

Но больше всего цепляют глаза.

Они... Боже, как их описать? Это не просто цвет, не просто форма. Они — ловушка. Внешне — зелёный лёд, прозрачный и безжалостный, способный пронзить насквозь одним взглядом. Но если приглядеться, если осмелиться задержаться там дольше, чем на секунду... Под этой вечной мерзлотой бурлит что-то другое. Опасное. Яростное.

Лава.

Не та, что сжигает дотла, а та, что медленно, неумолимо поглощает. Превращает в пепел самоуверенность. Заставляет сердце биться чаще, а разум — цепляться за каждую деталь, лишь бы не утонуть в этом взгляде.

Он не мажор. Не бандит. Не модель.

Он — опасность.

«Я врезалась в него почти на полном ходу, — пронеслось у меня в голове, — а он даже не шелохнулся. Будто я в стену впечаталась — каменную, ледяную, выросшую посреди тротуара просто чтобы поставить мне подножку».

Но мне недосуг было тонуть в этом наваждении, и я, тряхнув головой и пару раз моргнув, собралась уходить, гордо задрав подбородок. Даже уже почти развернулась, как раздался какой-то звонкий хлопок и меня тут же схватил в охапку этот неандерталец и запихнул к себе за спину так, что я чуть нос об неё не сломала.

Нет, ну это уже вообще за гранью!

— Ты вообще нормальный?! — я лупила его кулаком свободной руки в спину. — Что за манера хватать людей?!

Он тихо выругался и отпустил меня, но я видела — его пальцы на секунду сжались в кулаки, будто рефлекторно.

Сумасшедший!

Я пожелала ему новоселья в психушке, и наконец-то смогла отойти от него. Странно, но на это раз меня никто не хватал ни за руки ни за ноги, и я поспешила убраться от этот психа подальше.

До офиса, как и странно, я добралась вовремя. Если, конечно, считать «вовремя» ситуацию, когда ты мокрая, как ретривер после купания в Неве, а твой некогда безупречный тренч теперь напоминает тряпку для мытья полов.

Офис. Большой, стеклянный, пафосный, будто его только что вынули из упаковки с надписью «Собери свою корпоративную империю за 5 минут».

У входа — классические стражи корпоративных врат: два бугая размером с небольшой холодильник и с выражением лиц, будто они только что прослушали часовую лекцию о вреде улыбок на рабочем месте.

Их взгляды, скользнувшие по мне, ясно давали понять: либо я бездомная, внезапно возжелавшая попасть на совещание к топ-менеджменту, либо особенно наглая поклонница какого-нибудь депутата, решившая устроить ему мокрый сюрприз.

— Вход по пропускам, — буркнул тот, что пошире, оценивая мой вид с таким скепсисом, будто я пыталась пронести в здание бочку селёдки и пару гранат.

— У меня он есть! — парировала я, с героическими усилиями выковыривая из сумки временную пластиковую карточку, которая зачем-то решила прилипнуть ко дну, как будто это не пропуск, а последняя надежда человечества. Вода с моего рукава капнула прямиком на его начищенный ботинок.

Охранник нахмурился так, будто я только что объявила ему, что его любимый сериал закрыли после первого сезона.

— И удостоверение! — добавила я торжествующе, доставая заветную корочку и тыкая её ему под нос с таким пафосом, будто это не журналистский документ, а золотой билет в шоколадную фабрику Вилли Вонки.

Он взял его двумя пальцами, словно боялся заразиться моим атмосферным состоянием, и тщательно изучил, сверяя фото с моей текущей версией — «до и после стихийного бедствия».

Охранник посмотрел на фото, потом на меня, потом снова на фото. Видимо, пытался понять, одно и то же ли это лицо или я просто мастерски подделала документы.

— Вы… Кира Воронцова? — переспросил он с явным сомнением.

— Да. Тот самый «лучший журналист года», — нагло улыбнулась я, мысленно добавив: «Пока ещё нет, но после сегодняшнего дня — точно».

— Ну что, я прохожу? — спросила я, уже мысленно представляя, как врываюсь в лифт с криком «Свободу попугаям!» и стремительно сохну по дороге на восьмой этаж.

Он что-то пробормотал в рацию, получил ответ и, скрипя зубами, пропустил меня.

Но он так вздохнул, будто принимал судьбоносное решение, и даже кивнул. Видимо, даже его каменное сердце дрогнуло перед видом промокшей журналистки, которая, несмотря ни на что, всё ещё пытается сохранить подобие достоинства.

Победа. Хоть какая-то.

Секретарши на месте не оказалось — видимо, отлучилась на перекур или в поисках вдохновения в корпоративном буфете. Ну и ладно.

Раз уж мне назначено время, значит, можно входить. Без стука.

Широко улыбаясь, я рванула массивную дверь и…

Глава 4

Кира

Я замерла на пороге, пальцы все еще сжимали ручку, но мозг отказался обрабатывать картинку перед глазами.

Роскошный кабинет. Панорамные окна, за которыми хлестал дождь, превращая город в размытый акварельный пейзаж. Массивный дубовый стол, уставленный бумагами, дорогими ручками, статуэтками... И ею.

На роскошном дубовом столе, за которым он, должно быть, подписывал законы и принимал судьбоносные решения, лежала девушка. Секретарша. Голая. Раскинувшись на полированной поверхности, как дорогой десерт на блюде, она запрокинула голову, темные волосы рассыпались по документам.

Ее ноги были широко разведены, юбка задрана до самого живота, а блузка расстегнута, обнажая грудь. Чулки с кружевными подвязками, туфли на шпильках — одна еще держалась на кончиках пальцев, вторая уже валялась на полу. Она закинула голову назад, губы полуоткрыты в немом стоне, пальцы впились в полированную столешницу.

А между ее ног стоял он.

Тот самый политик.

Брюки спущены до колен, рубашка расстегнута, лицо раскраснелось от усилий. Он двигался резко, властно, с той же самоуверенностью, с какой обычно вещал с трибуны.

— Да… так… — прошептала девушка, выгибаясь.

— Да, детка, да, вот так, — прохрипел он, и замер.

Я стояла, как вкопанная.

Вот оно. Настоящее лицо власти.

А он — тот самый харизматичный политик, ради которого я продиралась сквозь ливень и кордоны охранников — стоял между ее ног.

И вдруг его взгляд скользнул в мою сторону.

Глаза, обычно такие холодные и расчетливые, вспыхнули. На губах расползлась плотоядная улыбка. Медленно, словно пробуя на вкус сам момент, он провел языком по нижней губе.

— Кира… Журналистка... — его голос прозвучал низко, почти ласково, но в нем дрожала хищная нота.

Он вышел из секретарши, и я невольно задержала взгляд на том, как его кулак скользнул вдоль ствола, сжал, провел снизу вверх — медленно, демонстративно.

Секретарша ахнула, когда он снова вошел в нее — резко, без предупреждения. Ее тело дернулось, пальцы царапнули лак столешницы.

А он не сводил с меня глаз.

— Заходи, — сказал он, и в его голосе звучало что-то среднее между приказом и приглашением.

Дождь бил в стекло. Ветер выл где-то высоко, будто смеялся надо мной.

А я не могла пошевелиться.

Снова вышел, полностью, и вошел в нее.

Глубоко. Медленно.

Его пальцы впились в ее бедра, когда он двинулся снова, и она выдавила из себя стон, губы приоткрылись, глаза закатились.

Я должна была смутиться. Должна была отпрянуть, захлопнуть дверь, сделать вид, что ничего не видела.

Но он смотрел на меня в упор и не останавливался.

Его улыбка не дрогнула — только стала шире, хищнее. Он кивнул в сторону кресла перед столом, будто предлагал присесть, пока он заканчивает.

Секретарша ахнула, когда он вогнал себя в нее резче, ее ноги обвились вокруг его спины, каблук скользнул по дорогой ткани его пиджака.

— Садитесь, Кира.

Его голос был ровным, только чуть хриплый.

Он продолжал.

Каждый толчок заставлял стол слегка скрипеть, бумаги шелестели под ее телом. Она закусила губу, пальцы сжали край стола, но не закрывала себя, не прятала — будто знала, что я должна это видеть.

Я стояла, будто вкопанная, чувствуя, как капли дождя с моей одежды падают на ковер.

Он трахал ее так, будто я была просто еще одним зрителем в его спектакле.

Он вошел в нее в последний раз — глубоко, с нарочитой медлительностью, будто подчеркивая каждое движение. Секретарша выгнулась, ее ногти впились в лак столешницы, губы дрогнули в беззвучном крике. А потом он резко вышел, оставив ее лежать там, влажную, вздрагивающую, с разметавшимися по документам волосами.

Дождь все еще хлестал в окна, но в кабинете воцарилась странная тишина. Только тяжелое дыхание, шелест бумаг под телом, глухой стук каблука о пол, когда она нащупала туфлю и натянула ее обратно на ногу.

Он даже не помог ей. Просто отвернулся, натягивая трусы, застегивая ремень с привычной точностью. Брюки, рубашка, пиджак — все легло на него, как доспехи. За секунду он снова стал тем самым неприступным политиком, чье лицо не сходило с экранов. Только взгляд выдавал — горячий, темный, прилипший ко мне.

Секретарша сползла со стола, будто это было самым обыденным делом. Поправила юбку, заправила блузку, не глядя на расстегнутые пуговицы у груди. Ее пальцы скользнули по волосам, собирая их в небрежный пучок, и вдруг она повернула голову в мою сторону.

Взгляд — пустой, будто скользящий сквозь меня. Будто я была частью мебели. Частью этого кабинета, где все решалось между толчками и вздохами.

Она прошла мимо, высоко неся голову, каблуки мерно цокали по паркету. Дверь приоткрылась, и тут зазвучал бархатный, но властный голос:

— Мариночка, — секретарша обернулась и застыла в дверях. — Сделай-ка нам два кофе, пожалуйста.

Та молча кивнула и вышла за дверь, прикрыв её с тихим щелчком.

В вот уже в кабинете остались только мы вдвоем. Он и я.

Политик сел в кресло, развалившись с показной небрежностью. Пальцы сложились в замок на животе, взгляд — все тот же, хищный, изучающий.

— Ну что, Кира, — голос его был мягким, как шелк над лезвием. — Теперь у тебя есть материал для первой полосы.

Я всё ещё стояла, чувствуя, как капли с моего плаща падают на ковер, оставляя темные пятна. Как дрожат пальцы, все еще сжимающие ручку.

А он улыбался. Будто знал, что я не напишу ни строчки.

Потому что настоящая власть — это не речи с трибуны.

Это взгляд, от которого нельзя отвести глаза.

И молчание, которое было громче любых слов.

Глава 5

Кира

Я резко вдохнула, будто вынырнув из ледяной воды. Пальцы разжались, выпуская ручку, и она с глухим стуком упала на ковер. Но я даже не наклонилась поднять. Вместо этого я достала карандаш и шагнула вперед, будто пробивая невидимую стену.

Опустилась в кресло напротив него — с преувеличенной медлительностью, словно давая себе время не осесть, а упасть в эту позу.

Стол между нами всё еще хранил следы их греха: смятые документы, отпечаток ладони на лаке, одинокую заколку, забытую среди бумаг. Я уставилась на нее, чувствуя, как внутри закипает что-то острое и колючее.

Цинизм. Не было даже попытки скрыть, извиниться выгнать меня, в конце концов — он специально позволил мне увидеть. Чтобы я поняла: правила здесь пишет он.

Мои движения были четкими, почти механическими. Диктофон лег на стол с тихим щелчком, блокнот раскрылся на чистой странице. Карандаш скользнул между пальцев — я намеренно точила его дольше, чем нужно, наблюдая, как стружка падает спиралью на полированную древесину.

Каждая лишняя секунда казалась глотком воздуха.

— Вы планируете записать это как... Профессиональную беседу? — его голос прокатился по кабинету, насмешливый и бархатный.

Я подняла глаза. Он сидел, откинувшись в кресле, пальцы сложены домиком у подбородка. Взгляд — тяжелый, как свинец.

— Нет, — мой голос прозвучал неожиданно твердо. — Я записываю всё. Особенно то, что вы считаете само собой разумеющимся.

Мои пальцы сжали карандаш так, что он чуть не треснул. Голая девушка на столе. Документы вместо простыни. Кофе, заказанный сразу после.

Это не просто похабщина — это демонстрация. Он показал мне, насколько легко стираются границы в этих стенах. Между службой и унижением. Между собеседником и зрителем.

Я намеренно медлила, записывая дату, время, даже температуру за окном — дождь, 12 градусов, серый город в акварельных разводах. Любая деталь была гвоздем, которым я прибивала свою реальность обратно на место.

— Вы же понимаете, что это не интервью, — он наклонился вперед, локти легли на стол. — Это испытание.

— Ошибаетесь, — я отчеркнула в блокноте линию, резкую, как порез. — Это работа. В отличие от того, что происходило здесь минуту назад.

Секунду я ловила его реакцию — в напряженных скулах, в едва дернувшемся веке, ну хоть в чём-то!

Но он лишь улыбнулся, и эта улыбка была хуже любого гнева.

— Тогда задавайте вопросы, журналистка. — Он развел руками, будто предлагая весь мир. — Только решите... Что именно хотите услышать.

Я вдохнула глубже, чувствуя, как дрожь в руках наконец стихает.

Неуважение?

Хорошо.

Значит, и мне незачем играть в вежливость.

— Начнем с того, — карандаш уперся в бумагу, — как часто ваши «совещания» заканчиваются вот так?

Кабинет содрогнулся от раската грома.

— Как часто?

Его губы растянулись в улыбке, медленной, как разлитый коньяк по бархату. Он откинулся в кресле, закинув ногу на ногу, и пальцы его неторопливо постукивали по подлокотнику — будто отбивали такт какому-то грязному джазу, который звучал только у него в голове.

— Ох, Кира… — голос его был густым, сладковатым, словно мёд, разбавленный ядом. — Ты же не из тех глупеньких девочек, которые верят, что власть измеряется только голосами на выборах?

Он наклонился вперёд, и свет от лампы скользнул по его скулам, отбрасывая острые тени.

— Власть — это когда ты можешь трахать кого угодно. В прямом и переносном смысле.

Его пальцы разжались, будто выпуская невидимый дым сигары.

— Судьи. Чиновники. Журналисты… — он сделал паузу, давая последнему слову повиснуть в воздухе. — И даже такие бойкие, как ты.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Так что отвечу на твой вопрос, солнышко: ровно столько, сколько нужно, чтобы все вокруг помнили — кто здесь хозяин.

Он отхлебнул из бокала, стоявшего на столе, оставив на стекле жирный отпечаток губы.

— А если тебе нужны цифры — спроси у Мариночки. Она у нас… Статистику ведёт.

Его смех прокатился по кабинету, низкий, бархатный, но с хрипотцой — будто ржавые шестерёнки скрипели где-то внутри.

А за окном гром грохнул снова, но уже не мог заглушить тишину, что повисла между нами.

Тишину, в которой слышалось только одно:

Он не просто хам. Он наслаждается этим.

Гром за окнами стих, но напряжение в кабинете лишь сгустилось, как дым после выстрела. Он сидел напротив, расслабленный, будто мы обсуждали погоду, а не его грязные схемы.

Его пальцы постукивали по столешнице, оставляя следы на полированной поверхности — там, где минуту назад впивались ногти той девушки.

— Вы утверждаете, что бюджетные средства идут на развитие инфраструктуры, — я перелистнула страницу, — но по нашим данным, 40% уходит на фирмы-однодневки. Ваши комментарии?

Он усмехнулся, откинувшись в кресле.

— Цифры — как женщины, Кира. Их можно повернуть так, чтобы они показывали именно то, что вам нужно.

— То есть вы признаёте махинации?

— Я признаю, что политика — это искусство возможного.

Его голос был гладким, как шёлковая петля. Но я заметила, как его взгляд на секунду метнулся к моему блокноту. Попался.

Я продолжила, методично вытаскивая на свет один скандал за другим: откаты за строительство моста, который рухнул через полгода; вбросы на выборах; договорняки с криминалом. Каждый вопрос он парировал с холодной иронией, но чем дальше, тем чаще его пальцы сжимались, а в глазах вспыхивали крошечные молнии раздражения.

— Вы позиционируете себя как «народный избранник», — я наклонилась вперед, — но живёте в особняке, который официально числится как «муниципальное здание». Не лицемерие?

Он замер. На мгновение маска спала, и я увидела в его глазах что-то настоящее — злость.

— А вы, Кира, слишком много копаете.

— Это моя работа.

Он медленно провёл языком по зубам, словно пробуя вкус собственной ярости. Потом вдруг рассмеялся — резко, беззвучно, как будто давая мне понять: ты всё ещё здесь только потому, что я этого хочу.

— Ну ладно, — он развёл руками, — спрашивайте, что ещё вас интересует.

Я закрыла блокнот. Больше цифр, больше фактов — всё это он превратит в шутку. Но есть один вопрос, на который он не сможет ответить с ухмылкой.

— Вот что мне действительно интересно, — я откинулась в кресле, глядя ему прямо в глаза, — как вы можете управлять городом, если вы даже женщину до оргазма довести не можете?

Дождь за окном, часы на стене, даже воздух — всё замерло.

Его лицо изменилось. Не сразу — сначала лишь легкое подрагивание века, потом медленное, как ржавая шестерёнка, опускание уголков губ. Его пальцы сжались в кулаки, но он не двинулся с места.

— Вы перешли грань, — прошипел он.

— Нет, — я встала, собирая вещи, — вы её стёрли сами. А я просто показала, что вижу.

Он не ответил. Только смотрел, как я иду к двери, и я чувствовала, как у меня горит кожа между лопаток.

Глава 6

Кира

Дверь захлопнулась за мной с глухим стуком, будто отрезая меня от того мира, где власть пахла коньяком и пошлостью.

Приёмная встретила меня ледяным молчанием. Мариночка — та самая секретарша, которую я застала на столе с растрёпанными волосами и губами, размазанными от помады, — сидела за своим компьютером, уткнувшись в экран. Её пальцы стучали по клавиатуре с неестественной резкостью, будто она пыталась забить гвозди в мою спину.

Я прошла мимо, высоко подняв подбородок. Но внутри всё дрожало. Адреналин ещё гулял по венам, заставляя сердце биться так громко, что, казалось, его слышно даже сквозь шум дождя за окном.

— Ну как, довольна? — вдруг бросила мне Мариночка.

Я остановилась, не оборачиваясь.

— Очень. Особенно вашим выступлением. Пять баллов за артистизм.

За спиной раздался резкий скрип кресла.

— Ты думаешь, ты такая умная? — её голос дрожал, но не от страха, а от злости. — Он тебя сожрёт. И даже не подавится.

Я медленно повернулась.

— Знаешь, Мариночка, мне почему-то кажется, что он уже подавился.

Её лицо исказилось. Она хотела что-то крикнуть, но в этот момент из кабинета донёсся грохот — будто что-то тяжёлое врезалось в стену. Возможно, стул. Или телефон.

Мариночка резко замолчала, её пальцы сжались на краю стола.

Я улыбнулась.

— Ну вот видишь. А ты говоришь — не подавится.

— Ты даже не представляешь, с кем связываешься! — Марина шипела, её ногти впивались в папку с документами. — На кого рот разеваешь!

Я задержалась у выхода, чувствуя, как капли дождя стучат в окно в такт моему сердцу. Обернулась, медленно провела взглядом по её перекошенному злостью лицу и усмехнулась.

— Лучше за своим ртом последи, Мариночка. А то он у тебя… слишком занят.

Её щёки вспыхнули, глаза метнулись к закрытой двери кабинета. Я не стала ждать ответа — развернулась и вышла, хлопнув дверью так, чтобы стекло задрожало.

Дождь хлестал по лицу, но мне было плевать. Пусть они там кипятятся. Пусть боятся.

Я только начала.

Меня так колотило, что я забыла про лифт, и пешком практически сбежала по лестницам вниз, проскочила, как ошпаренная, мимо охраны и вырвалась наконец на свежий воздух.

Дождь лил как из ведра, превращая улицы в мокрое зеркало, в котором отражались огни ночного Петербурга. Я была без зонта, и холодные капли стекали по лицу, смывая этот привкус гадости, который остался на губах после той встречи.

Редакция встретила меня гудящим хаосом — звонки, клавиатуры, крики из кабинета шефа. Я влетела, как ураган, с мокрыми волосами и горящими глазами.

— Первые полосы во всех СМИ — от забора до интернета — мои! — бросила я в открытое пространство, стряхивая капли дождя с куртки.

— Воронцова, ты опять влипла во что-то? — из-за монитора высунулся коллега-фотограф, жуя бутерброд.

— Не влипла. Взорвала.

Главред, Владимир Сергеевич, приоткрыл дверь своего кабинета и жестом вызвал меня внутрь. Его взгляд скользнул по моему лицу, по моим пальцам, всё ещё слегка дрожащим от адреналина.

— Ну-ка, показывай, что за бомбу ты там нашерстила, — он откинулся в кресле, скрестив руки на животе.

Я выдохнула, достала диктофон, включила запись.

Голос политика, скользкий и насмешливый, заполнил кабинет.

"Власть — это когда ты можешь трахать кого угодно. В прямом и переносном смысле."

Главред нахмурился.

— Кира…

— Я не закончила, — пролистала запись дальше.

"Вы перешли грань."

— Я перешла? — я выключила запись. — Это он стер все границы, когда устроил в своём кабинете похабщину, показательно, желая унизить меня и показать свою неограниченную власть, а потом предложил мне «забыть».

— И что ты хочешь сделать? — Владимир Сергеевич потёр переносицу.

— Написать правду.

— Правду, — он усмехнулся. — Ты знаешь, что будет, если этот материал выйдет?

— Я знаю, что будет, если он не выйдет, — я уперлась ладонями в его стол. — Ещё один ублюдок будет думать, что ему всё сойдёт с рук.

Главред вздохнул, достал сигарету, закурил. Дым заклубился между нами.

— Напиши обычное интервью. Сухие факты, нейтральные формулировки. Не лезь на рожон.

— Нейтральные? — я фыркнула. — После того, как он мне это сказал?

— Кира, — голос его стал тише, но твёрже. — Ты думаешь, он просто так разбрасывается такими фразами? Он знает, что его не тронут. У него крыша.

— Значит, надо снести и крышу.

— Ты не спецназ, — он резко потушил сигарету. — Ты журналист.

— Журналист — это и есть спецназ, — я развернулась к двери. — Только вместо автомата у меня слова.

— Воронцова!

Я уже вышла, хлопнув дверью.

Сели за компьютер. Пальцы ударили по клавиатуре, будто по вражеским позициям.

«Власть и унижение: как один кабинет стал ареной для политического цирка»

Строчки лились, как яд, как выстрелы.

"Он сидел напротив меня, улыбаясь, словно делился секретом, а не угрозой. Его пальцы вальяжно барабанили по столу — там, где за минуту до этого впивались ногти его «гостьи». Он говорил о власти, о деньгах, о том, что правда — это просто ещё один товар. И самое страшное? Он был уверен, что я промолчу."

Я писала. О его взгляде, полном презрения. О девушке, которая вышла из кабинета с опущенной головой. О документах, разложенных поверх следов её тела.

— Ты серьёзно это публикуешь? — над моим плечом навис коллега.

— Абсолютно.

— Он тебя сожрёт.

Я повернулась, улыбнулась.

— Пусть попробует.

Экран светился, как запал гранаты.

Я нажала "Отправить".

Где-то в городе, в своём особняке, он ещё не знал, что только что объявили войну.

Но скоро узнает.

Глава 7

Кира

Я смотрела на экран, где мой текст был изуродован красными правками. Каждая зачёркнутая строчка — как ножом по горлу.

— «Слишком эмоционально». — «Не подтверждено». — «Убери это».

Главред перечеркнул всё, что могло действительно ударить. Оставил только сухие факты, нейтральные формулировки — ровно то, что политик и так бы сам о себе написал в официальной биографии.

— Это не статья, Владимир Сергеевич. Это некролог правде.

Он вздохнул, откинулся в кресле, зажмурился.

— Кира, ты думаешь, я не понимаю? Но если это выйдет в твоей редакции — тебя не просто уволят. Ты исчезнешь.

— Пусть попробуют.

— Они уже пробуют! — он резко хлопнул ладонью по столу. — Ты не видишь, что происходит? Ты залезла не в ту нору. Там не крысы — там змеи. И они кусаются.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Значит, надо отрубить им головы.

— Ты не Медуза! — он встал, обхватил голову руками, прошелся по кабинету. — Слушай, я не могу тебя отпустить на убой. У меня нет в штате отряда спецназа, чтобы защитить тебя! Перепиши. Оставь только то, что я отметил.

— Это ничего не изменит.

— Но это сохранит тебе жизнь!

Я закусила губу. В глазах стояла ярость, но где-то глубоко — предательский холодок страха. Он прав. Они могут не просто уволить. Они могут сделать так, что я исчезну.

Но если промолчу — значит, он победил.

— Хорошо, — прошипела я. — Перепишу.

— Спасибо.

— Не за что.

Я вышла, хлопнув дверью так, что стекло задрожало.

Вернулась к своему столу, уставилась в монитор.

— Ну что, героиня? — фотограф снова высунулся из-за перегородки. — Сдаёшься?

— Я не сдаюсь. Я перегруппировываюсь.

Он усмехнулся:

— Ну да, ну да. Главное — не перегруппируйся в морг.

Я не ответила, только улыбнулась, и снова уткнулась в монитор.

Я переделывала текст. Каждое слово резало, как по живому. Каждая буква — предательство. Но я стиснула зубы и вписала то, что от меня требовали. Сухие факты. Безликие формулировки. Ложь, прикрытая полуправдой.

— Готово, — бросила распечатку на стол главреда.

Владимир Сергеевич медленно поднял глаза, взял листы, пробежался взглядом. Потом вздохнул и поставил подпись.

— Надеюсь, ты не наделаешь глупостей, — сказал он тихо, но так, что мурашки побежали по спине.

Я улыбнулась. Сладко, невинно.

— Конечно, Владимир Сергеевич.

Когда материал ушел в верстку, я дождалась, пока все разойдутся, и снова открыла файл.

— Ну что, героиня? — в голове звучал голос фотографа.

— Да, героиня, — прошептала я и удалила весь текст.

Пальцы летали по клавиатуре. Каждое слово горело. Каждое предложение било в цель. Я выкладывала всё: документы, расшифровки, имена, названия фирм-однодневок, даты. Правду. Ту самую, которую так хотели скрыть.

— Пусть попробуют меня остановить.

На следующий день газета вышла. И сайт обновился, выпустив свежий номер газеты.

— ВОРОНЦОВА! — рев главреда разорвал офис.

Люди замерли. Кто-то резко отвернулся, кто-то пригнулся за монитор.

Я стояла посреди лфиса, сжав кулаки.

— Ты совсем с ума сошла?! — Владимир Сергеевич швырнул свежий номер на пол. Бумага разлетелась веером. — Ты понимаешь, что ты сделала?!

Я не дрогнула.

— Я сделала свою работу.

— Ты подписала себе приговор!

— Зато правда вышла.

Он схватился за голову, будто пытался удержать ее от взрыва.

— Ты даже не представляешь, с кем связалась…

— О, представляю, — улыбнулась я. — И мне наплевать.

В этот момент зазвонил телефон. Главред схватил трубку, побледнел и медленно опустился в кресло.

— Да… Да, конечно… Я понимаю…

Он положил трубку и посмотрел на меня. В его глазах было что-то новое.

— Кира… — голос его дрогнул. — Беги. Потому что если меня сейчас там, куда я поеду, не порвут, то я сам разорву тебя на кусочки, когда приеду. Если приеду. Молись, чтобы я не вернулся. Дура.

С этими словами он тяжело поднялся с кресла и медленно вышел из офиса.

Тишина повисла в воздухе тяжёлая, густая, как смола. Она давила на виски, заполняла лёгкие, пока я стояла посреди офиса, чувствуя, как десятки глаз впиваются в меня. Не взгляды — лезвия. Кто-то сжал кулаки, кто-то нервно кусал губу.

— Ну что, Воронцова, славы захотелось? — раздался голос из-за спины.

Я не обернулась. Знакомый голос — Сергей из отдела культуры. Всегда улыбался, всегда шутил. Сейчас в его тоне была ядрёная смесь злости и страха.

— Выскочка, — прошипела кто-то ближе.

Наталья из корректуры. Обычно молчаливая, с потухшим взглядом. А сейчас — шепот, полный ненависти.

— Теперь нас всех под откос потянет.

Я медленно провела взглядом по комнате.

В глазах коллег — ледяная враждебность. Взгляд бухгалтера Людмилы: "Ты нас всех убила". Молодой стажёр Димка отвернулся, будто боялся, что я заражена.

Но были и другие.

Фотограф, тот самый, что подкалывал меня вчера, стоял у своего стола, скрестив руки. Не ухмылялся. Смотрел прямо. И в его взгляде не было осуждения. Было... Уважение?

— Кира... — тихо позвала Маша из отдела новостей. Она бледная, дрожит. — Ты... ты точно знала, на что идёшь?

Я сжала зубы.

— Да.

— И тебе не страшно?

В горле встал ком.

— Страшно.

Тишина снова накрыла офис.

Потом раздался резкий стук — кто-то швырнул папку на стол.

— Ну всё, ребята, собираемся. Нас ждёт весёлый день, — мрачно бросил зам главреда. — Если кто-то придёт — никаких комментариев. Ни слова. Ни полслова. Понятно?

Люди зашевелились, засуетились. Кто-то начал быстро собирать вещи, кто-то лихорадочно звонил по телефону.

А я стояла.

Глава 8

Кира

Остаток дня прошёл в гробовой тишине.

Даже звонки, которые обычно разрывали редакцию каждые пять минут, смолкли. Будто кто-то выключил звук у всего мира. Только клавиатуры стучали, да мышка иногда скрипела — но и то глухо, осторожно, словно боясь привлечь внимание.

— Будто нас в чёрный список внесли, — пробормотал кто-то из рекламного отдела.

— Или объявили вне закона, — ответил другой голос, тут же оборвавшись.

Я сидела за своим столом, стиснув зубы. Спина горела от десятков взглядов — колючих, ненавидящих, испуганных. Никто не подошёл. Ни слова. Даже те, кто вчера делился кофе и смеялся над шутками.

Когда стрелка часов доползла до семи, люди начали молча собираться. Не было привычных «до завтра», шуток про завтрашний дедлайн. Просто брали сумки, выключали компьютеры и уходили.

Мимо меня прошла Наталья из корректуры, даже не взглянув.

— Предательница, — прошептала она так тихо, что, может, мне показалось.

Но не показалось.

Последним уходил фотограф. Задержался у своего стола, будто что-то искал. Потом поднял глаза, встретился со мной взглядом. Не улыбнулся. Кивнул.

И вышел.

Я осталась одна.

Офис, такой шумный и тесный ещё утром, теперь казался огромным и пустым. Как склеп.

Я собрала вещи, выключила свет и вышла.

Дверь захлопнулась с глухим стуком.

Я вышла на улицу, и холодный ветер ударил в лицо, будто оплеуха. Горло сжато, в глазах — пелена. Ноги сами понесли меня куда-то, только бы подальше от этого офиса, от этих взглядов, от этого предательства.

Бар «Без шансов» встретил меня полумраком и запахом пережаренного масла. Я швырнула сумку на стойку, и бармен — лысый бородатый мужик с татуировкой паука на шее — поднял бровь:

— Тебе что, героиня?

— Виски. Двойной. Без льда. До краёв.

Он усмехнулся, но налил. Я опрокинула стакан одним глотком. Огонь разлился по груди, но не сжёг ни страха, ни ярости.

Первый глоток обжёг горло, второй — уже не так. Третий прошёл, как вода. Я заказала ещё.

По барной стойке ползла трещина. Кто-то когда-то ударил по ней кулаком или стаканом — и она так и осталась, неглубокая, но заметная. Я провела по ней пальцем.

«Теперь и в редакции такая будет», — подумала я.

— Эй, с тобой всё нормально? — бармен наклонился ко мне, брови сдвинуты.

— Замечательно, — я ухмыльнулась и допила второй стакан. — Просто замечательно.

Он хмыкнул и отошёл.

— Ещё.

Бармен покачал головой, но налил снова.

В зеркале за полками с бутылками отражалось моё лицо. Бледное. Глаза слишком яркие, будто в лихорадке.

В зеркале за полками с бутылками моё отражение выглядело так, будто его вытащили из морга и наспех оживили дешёвым заклинанием. Бледное лицо, тени под глазами, а сами глаза — слишком яркие, будто кто-то поджёг в них спирт.

Я потянулась за стопкой, но в полумраке что-то мелькнуло за моей спиной. Белое. Знакомое.

"Чёрт, это уже не нервах галлюцинации начались?" — подумала я, щурясь, а потом поморгала.

— Есть что покрепче? — спросила бармена, на что тот, усмехнувшись, налил мне что-то из непрезентабельной бутылки и поставил стопку передо мной, с интересом на меня глядя.

Я снова кинула взгляд в зеркала передо мной, но пятно не исчезло. Наоборот — шевельнулось. Медленно поднялось выше, будто кто-то встал со стула. Или, скажем, поднялся из-под пола.

Я замерла, стопка на полпути ко рту.

— Дай угадаю, — бархатный, с хрипотцой голос сочился ехидством, — проблемы?

Я смерила его пьяным, но гордым взглядом, замахнула ядрёный шот, словила искры из глаз и выдохнула:

— Не-у-га-дал… — мать вашу, что мне бармен налил, керосина для боинга???

Горло вспыхнуло так, будто я проглотила раскалённый гвоздь, а потом ещё и запила его напалмом. Глаза тут же залились слезами, дыхание сжалось в комок где-то между рёбрами, а мир вокруг на секунду превратился в сплошное белое пятно с искрами.

Я зажмурилась, судорожно глотая воздух, и поняла две вещи:

1. Дышать надо. Желательно прямо сейчас.

2. Этот чертов "виски" явно был дистиллирован в аду.

Когда веки наконец поднялись, передо мной плыло сразу три бармена. Все трое с одинаково ехидными ухмылками.

— Ну как, понравилось? — спросил средний (или, может, левый?)

Я хрипло кашлянула, вытирая слезу тыльной стороной ладони.

— Оху… — голос сломался. Я попыталась снова. — Ох…рененно.

Бармен рассмеялся.

— Это тебе не дешёвый вискарь, малышка. Это настоящая шотландская отрава.

— Да уж, — прохрипела я, наконец отыскав своё дыхание где-то в районе желудка. — Чувствуется.

— Плесни-ка мне того же, — раздался голос от соседа.

Бармен исполнил просьбу, и блондин замахнул это даже не поморщившись.

Я уставилась на него, пытаясь сфокусировать взгляд. Безрезультатно. Но мне обязательно надо было сфокусироваться на нём, потому что что-то сильно знакомое лицо было, поэтому я бесстыдно на него пялилась.

Он сидел, невозмутимый, как статуя Будды после десяти лет медитации. Ни тени гримасы, ни намёка на то, что он только что проглотил жидкий динамит.

— Нравлюсь? — спросил он, лениво подперев подбородок ладонью.

Я моргнула.

— Ты… Да.. То есть нет… Но я… Тебя… Знаю… Откуда-то... — дыхание по глотку возвращалось ко мне, но голос всё ещё музыкально сипел.

Он улыбнулся — медленно, как кот, который только что нашёл новую игрушку.

— И откуда?

Я открыла рот, но ответить не успела. Потому что в этот момент мир решил, что ему надоело быть стабильным, и резко накренился влево.

— Ой, — сказала я.

И медленно сползла со стула.

Последнее, что я увидела перед тем, как лицо встретилось с полом, — его дымчато-зелёные глаза, сверкающие в полумраке.

«Ну хоть красиво упаду», — успела подумать я, и меня тут же подхватили, резко дёрнули наверх и водрузили обратно на барный стул, прислонив к стойке бара.

— Ну ёпта, ей больше наливать, — выдохнул он кому-то и у меня в мозгах щёлкнуло…

Глава 9

Дрон

Чуть ранее

Проснулся от того, что кто-то тихо дышит.

Я?

Тёплое, ровное, чуть прерывистое и прямо мне в спину. Явно не моё.

Опять…

Разомкнул веки, медленно, будто поднимал штангу веком. Свет из окна резал глаза, но я уже привык. В голове — лёгкий туман, но не похмелье, просто стандартное утро после хорошего пиздеца.

Повернулся.

Девушка.

Брюнетка. Молодая. Губы пухлые, даже во сне слегка надутые, будто обижена на весь мир. Ресницы длинные, но не накладные — видно, что свои. Грудь прикрыта простынёй, но я и так помнил её форму. Точнее, руки помнили.

Кто ты, чёрт возьми?

Память подкидывала обрывки: бар, виски, её смех, слишком громкий, её руки, слишком цепкие. Дальше — провал.

Но мой член, похоже, помнил всё отлично. Он стоял колом, будто дежурный по части, готовый к утреннему построению.

Ну, раз уж мы тут все проснулись…

Я придвинулся ближе, ощущая тепло её тела сквозь тонкую простыню. Грудь прижалась к её спине, рука скользнула по гладкому животу, ниже, туда, где кожа становилась ещё нежнее, ещё горячее. Она вздохнула, дрогнула, но не открыла глаз.

— Эй… — мой голос был хриплым, как скрип ржавой двери в тишине.

Она крякнула что-то невразумённое, сонное.

Диалог? Нет, не сегодня. Мои губы впились в её шею, оставляя влажный след, а пальцы уже нащупали то, что искали — тёплую, податливую плоть.

Она выгнулась внезапно, как кошка под лучом солнца, и тихо застонала:

— М-м-м… Ты… — голос с хрипотцой, но уже не сонный. Уже пойманный.

— Я, — подтвердил я и перевернул её на спину одним движением.

Она открыла глаза. Карие. Огромные. Сначала растерянные, потом — тёмные, жадные.

— Как тебя зовут? — спросил я, пока пальцы играли с её мокрой щёлкой.

Она закусила нижнюю губу, потом рассмеялась — звонко, с вызовом.

— Серьёзно? Ты не помнишь?

— Нет.

— Анастасия.

— Привет, Настя, — я накрыл её собой, втискиваясь между бёдер.

Она не успела ответить. Мой член, горячий и требовательный, уже вошёл в неё одним резким толчком.

Секс был жарким, яростным, без лишних сантиментов. Как я любил. Она стонала, царапала мне спину, кусала плечо, а я отвечал тем же — жёстко, без церемоний, до хруста в суставах.

Тело её гнулось под моими руками, как ветка под порывом ветра. Влажная, горячая, она сжималась вокруг меня, и каждый толчок вырывал из её губ новый стон.

А потом — разряд. Глухой рык. Вздох.

И тишина.

Только пот, запах кожи и быстрое дыхание.

Я откинулся на подушку, глядя в потолок.

— Да… — просто сказала она и закрыла глаза.

Я усмехнулся.

Утро удалось.

Я дотянулся до пола, пошарил в кармане джинсов, и достал пачку сигарет и зажигалку. Откинулся на подушки и блаженно закурил. Она пристроилась рядом, положила голову мне на грудь.

— Ты всегда такой… Резкий? — спросила она, играя пальцами в моих татуировках.

— Да.

— А поговорить?

— Нет.

— А кофе в постель, — в её голосе просыпалась капризна игривость.

Нет, девочка, это не ко мне.

— Тоже нет.

Она фыркнула, но не обиделась. Потом потянулась за телефоном.

— Ой, блин, уже одиннадцать…

Я молча выпустил дым в потолок.

— Может, позавтракаем вместе? — она улыбнулась, явно надеясь на продолжение.

— Нет.

— Ну… Кофе? За столом.

— Уходи, — я потушил сигарету и сел на кровати.

Она замерла.

— Что?

— Ты всё слышала.

— Ты серьёзно?

— Да.

Она резко вскочила, начала собирать вещи. Лицо покраснело, глаза сверкали.

— Ну ты и мудак!

— Спасибо, что заметила.

Она швырнула в меня подушкой, но я даже не шелохнулся. Потом застегнула джинсы, натянула блузку, рывком выдернула сумочку из-под стула.

— Иди ты!

Дверь хлопнула так, что задрожали стены.

Я вздохнул, почесал грудь и потянулся за новой сигаретой.

Нервные все. Один я — душка.

Потянувшись, как только выпавший из спячки медведь, я встал и пошёл в душ.

Горячий пар затянул зеркало, стёкла, стены — весь этот мир стал мокрым, расплывчатым, как мои воспоминания о вчерашнем. Вода била по спине, по шее, стекала по рёбрам, смывая пот, запах её духов, её злость. Я стоял, запрокинув голову, и чувствовал, как мышцы постепенно отпускают напряжение.

Тело — машина. Оно должно работать чётко. Я провёл ладонью по лицу, смахнул воду, потом медленно, почти лениво, намылил грудь, живот, бёдра. Член уже не стоял колом, но всё ещё был тёплым, тяжёлым — будто налитым свинцом. Я сжал его в кулаке, провёл раз, другой, просто так, без цели, просто чтобы почувствовать.

Но сегодня хватит.

Я выключил воду, шагнул из кабины, вытерся наспех. Полотенце грубо прошлось по коже, оставив лёгкое жжение. В зеркале — мужик. Не красавец, не ухоженный мачо, а просто мужик. Шрамы, тату, тени под глазами. Волосы короткие, мокрые, торчат как попало.

Норм.

Джинсы, чёрные, поношенные. Футболка, тоже чёрная, чуть мятая. Кожаная куртка, потёртая на локтях. Я потянулся, почувствовал, как позвоночник хрустнул, будто одобряя мои движения.

Кофе? Нет, не сегодня.

Я сунул в карман пачку сигарет, зажигалку, проверил телефон — ни звонков, ни сообщений. Идеально.

Улица встретила меня прохладой и равнодушием. Я шёл не спеша, чувствуя под ногами асфальт, вдыхая городской смрад — бензин, пыль, чьи-то жареные пирожки.

«Без шансов» — мой бар. Не мой в смысле собственности, а мой в смысле «здесь меня ждут». Вернее, не ждут, но терпят.

Дверь скрипнула. Внутри — полумрак, запах табака, пива, чего-то жареного. За стойкой — Гриша, лысый, с сигаретой в зубах.

— Жив, — буркнул он.

— Пока что, — я плюхнулся за столик.

— Как обычно?

— Как обычно.

Стакан водки. Солёный огурец. Никаких тостов, никаких разговоров.

Я выпил залпом, ощутил, как огонь растекается по жилам, согревает изнутри.

Огурец хрустнул на зубах.

Я кивнул, и Гриша снова наполнил мой стакан.

— Дрон! — раздалось вдруг полупьяное, и я сморщился.

Глава 10

Дрон

— Где пропадал? — ко мне за столик уже садился завсегдатай этого бара — Сёма.

— В постели, — буркнул я.

— С кем-то или один?

— Сначала один, потом не один, потом опять один.

Сёма засмеялся, поставил передо мной стакан и налил виски.

— Ну, рассказывай, что в городе творится.

— А хуй его знает, — я сделал глоток. — Я две ночи не вылезал.

— Ага, значит, не только сегодня утром развлекался. И значит, новостей не слышал.

Удивительным образом Сёма, который, казалось, жил в этом баре, знал все новости, слухи и сплетни города.

Я хмыкнул.

— Так что, новости есть?

Сёма понизил голос, наклонился.

— Быка-то нашего… — он опасливо оглянулся, — говорят, того…

— Чего «того»?

— Заказали…

Я хрюкнул, поперхнулся и вискарь фонтаном обрызгал Сёмино лицо.

— Да аккуратней ты! — шипел он, вытираясь бумажными салфетками.

— Так ты не говори под руку такие вещи. Откуда новости?

— Ну а как… — развёл он руками. — Такие вещи просто так не делают. Явно под него копают. Даже, похоже, уже выкопали, а сейчас толкают.

— Какие «такие»? Кто кого и куда толкает? — я откусил ещё огурца.

— На вот, — он достал телефон, покопался там и дал в руки мне.

Статья какая-то… Я быстро пробежался по ней глазами и мысленно присвистнул. Тот, кто это написал, либо идиот без инстинкта самосохранения, либо… Либо под Быка реально копают.

— А кто такой у нас смелый? — спросил я, имея ввиду автора самоубийственной статейки.

— Не знаю. Но чей труп найдут в ближайшее время — тот и автор, — он пьяно хохотнул и отобрал у меня телефон.

— М-да…

А в общем-то — мне глубоко плевать, кому там жить надоело если, это, конечно не имеет такую крышу, которая бы выдержала прямое попадание атомной бомбы.

— А ты-ы… — промычал Сёма, и его глаза забегали. Он заёрзал на стуле, понизил голос до шёпота. — Слушай, Дрон… Тебя… Ну… Не нанимали, часом?

Я медленно поднял бровь, оставил стакан на столе и уставился на него. Молча.

Сёма сразу же засуетился, замигал, будто только сейчас осознал, что спросил что-то лишнее.

— Ну, то есть… Просто так, спросил… — забормотал он, отводя взгляд.

Я хмыкнул, лениво повёл плечами и продолжил смотреть на бедного Сёму.

Сёма замолчал. Надолго. Видимо, представил, как могут найти три трупа вместо одного.

Я взял стакан, сделал глоток.

Тишина — лучший ответ на глупые вопросы.

Колокольчик над дверью бара тихонько забрякал, и она отворилась, впуская… Ма-а-ать твою… Та самая, брюнеточка под дождём. Которая врезалась в меня, обвинив меня в этом.

Я кивнул Сёме, и его словно ветром сдуло из-за столика. Барный завсегдатай исчез так быстро, будто его и не было. Видимо, мой взгляд на этот раз был слишком красноречив.

Оставшись один, я доел огурец, размышляя о том, насколько глупо выглядит взрослый мужик, жующий солёный овощ в баре, пока вокруг кипит жизнь. Но тут моё внимание привлекла брюнеточка, та самая, что врезалась в меня под дождём, а потом ещё и обвинила в этом.

Она устроилась у стойки и с упоением, граничащим с отчаянием, принялась накидываться на всё, что горит. Виски, текила, что-то розовое и подозрительное — всё шло в ход.

И, что удивительно, эффект был налицо. Вернее, на лицо. Щёки порозовели, взгляд замутился, а движения стали размашистыми — как у человека, который уже не боится упасть.

Я прищурился.

Где-то я её видел…

Ах да. Несколько дней назад. Дождь. Она влетела в меня, бумаги из её папки рассыпались, и я машинально прочитал заголовок:

«Коррупция в городской администрации: кто покрывает?»

Опять она…

Так-так…

А если так… То вполне возможно, что она и есть тот самый безбашенный автор статьи, из-за которой Бык, возможно, уже точит ножи. Уж больно резво она накидывается, и явно не от большой радости. Странные совпадения…

Сегодняшний её вид — подавленный, нервный, с явным уклоном в алкогольный угар — наводил на определённые мысли.

Я посмотрел на неё другими глазами.

Юная. Восторженная. Дура.

Не битая жизнью.

Та, что с рогаткой против танка попёрла.

Ну и ну…

Я вздохнул, допил виски и подумал, что в этом мире есть два типа самоубийц:

Одни вешаются тихо.

Другие — пишут статьи.

— Ну конечно, — пробормотал я себе под нос. — Кто же ещё, кроме журналистки с комплексом героя, полезет под Быка с голыми руками?

Она что-то буркнула бармену — не то угрозу, не то признание в любви. Тот, привыкший ко всему, пожал плечами и налил ей ещё. Брюнеточка схватила стакан, залпом опрокинула его в себя, как будто это не виски, а живительный эликсир, и тут же закашлялась так, что у меня аж собственное горло запершило.

— Эх, дура, — вздохнул я.

И встал.

Потому что Батя, конечно, тысячу раз говорил: «Не суйся, куда не просят — и доживёшь до пенсии с целыми костями». Но где сейчас этот Батя? То-то же. А я вот тут, снова пьян, снова один, и снова мне до чёртиков скучно.

Да и кто знает — может, эта начинающая алкашка не геройскую статью пишет, а просто горюет над тем, что её бросил очередной козёл с накачанными бицепсами и IQ комнатной температуры.

А утешать таких — одно удовольствие. Они будто пытаются отомстить всему миру за свою несправедливую судьбу, и в постели вытворяют такое… Ну, в общем, я те дам.

Я посмотрел на журналистку.

Она уже не кашляла, а тупо уставилась в стакан, будто надеялась, что на дне найдёт ответы на все вопросы.

Или хотя бы ещё одну порцию храбрости.

— Дай угадаю, — взгромоздил я свой зад на барный стул, подтащив его к ней поближе, — проблемы?

Глава 11

Дрон

На меня уставились два осоловелых глаза, пытаясь разъехаться от переносицы. Лицо её было пунцовым и она, кажется, не дышала.

А что случилось-то? Ответ прилетел тут же от бармена, сдерживающего своё ржание:

— Ну как, понравилось?

Журналисточка, наконец, закашлялась, хватая воздух ртом и растирая ладошкой грудину.

— Плесни-ка мне того же, — попросил я Гришу, и тут же рядом со мной появился стопарик.

Я замахнул его и задержал дыхание. Не удивительно, что брюнеточку чуть не скопытило со стула. Она продолжала сидеть на нём, опасно покачиваясь и не сводила с меня глаз. Они то разъезжались, то сходились у переносицы, то закрывались, то открывались, но упорно цеплялись за меня.

— Нравлюсь? — вздохнул и опустил подбородок на ладонь, оперевшись локтём о барную стойку.

Она икнула, зависла, обдумывая мои слова, потом снова уставилась на меня и пробасила хрипло:

— Ты… Да... То есть нет… Но я… Тебя… Знаю… Откуда-то…

Да что ты говоришь, милая?

— И откуда? — улыбнулся я.

Рефлексы, отточенные до автоматизма — великая вещь. Брюнеточка икнула, глаза её закатились и она кулём полетела с барного стула на пол. И только мои отточенные годами тренировок рефлексы не позволили ей впечатать свою моську в пол.

Я успел поймать её, снова водрузил, придерживая, на стул и сказал Грише:

— Ну ёпта, ей больше наливать.

Я разглядывал брюнеточку, пока она бесчувственно клевала носом в мою ладонь.

Глаза — карие, даже сейчас, замутнённые алкоголем, они напоминали тёмный янтарь, в котором застыли искры упрямства и глупой отваги. Ресницы длинные, мокрые от слёз — видимо, перед тем как начать топить печаль в виски, она успела хорошенько поплакать. Нос аккуратный, слегка вздёрнутый, на переносице пара веснушек. А вот рот…

Губы пухлые, чуть приоткрытые, розовые, будто нарочно созданные для того, чтобы кусать их в порыве страсти или сжимать в момент ярости. Я мысленно прикинул, как они будут выглядеть, обхватив мой член, и почувствовал, как кровь резко приливает ниже пояса. Да, применение этому ротику я уже нашёл.

Шея тонкая, хрупкая — одной рукой можно перекрыть дыхание, если вдруг она начнёт слишком много болтать. Грудь — троечка, аккуратная, но сочная, идеально помещающаяся в ладонь. Я представил, как сжимаю её, как она выгибается под моими пальцами…

— Эх, дура… — повторил я про себя, но уже без раздражения.

Именно в этот момент краем глаза я заметил его.

Новый посетитель.

Чувак сидел за угловым столиком, бутылка водки перед ним стояла нетронутая. Сам — плотный, широкоплечий, лицо каменное, без эмоций. Одежда — обычная, но слишком новая, как будто только что с вешалки. И главное — глаза.

Они блуждали по бару, но каждый второй взгляд цеплялся за неё.

Моя пьяную журналистку.

Я медленно провёл языком по зубам, ощущая, как в висках начинается лёгкая пульсация. Знакомое чувство. Ожидание.

— Гриш, — негромко кивнул я бармену. — Кто это?

Тот мельком глянул в сторону незнакомца и пожал плечами:

— Первый раз вижу.

— Ага… — я потянулся за стаканом, сделал глоток, но взгляд не отводил.

Чувак тоже заметил мой интерес. Наши глаза встретились на секунду — и в его взгляде я прочитал всё, что нужно.

Он здесь не случайно.

Я развернулся к нему всем корпусом, положил локти на стойку сзади себя и ухмыльнулся. Мол, ну что, дружок, у нас проблема?

В ответ — ни тени смущения. Просто взял бутылку, налил себе, но пить не стал. Просто держал стакан в руке, смотрел мне в глаза.

Вызов?

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок адреналина.

Мои мысли понеслись со скоростью экспресса… Значит, так...

Если этот мясник здесь ради неё — значит, её статейка кого-то зацепила по-серьёзному. И не просто кого-то. Быка.

Я знал его почерк. Никаких следов, никаких лишних разговоров. Просто приказ, выполненный без вопросов.

А раз его люди уже тут — значит, журналисточка вляпалась так, что её уже не отмоют ни слезами, ни деньгами.

Остаётся только один вариант.

Он сидел и ждал. Видимо, надеялся, что я уйду, оставлю её. И тогда он спокойно доведёт дело до конца.

Как бы не так.

Эх, Батя, сейчас бы вот да твои умные мысли с пенделями и матами, а не вот это вот всё...

— Эй, ты… — брюнеточка вдруг очнулась, схватила меня за рукав. — Ты… Ты меня тогда… толкнул…

— Да? — я не отводил взгляда от незнакомца.

— Да! И я… я тебя… запомнила…

— Рад за тебя, — мои пальцы сжали стакан чуть крепче.

Незнакомец медленно поднял стакан, будто собирался выпить, но вместо этого поставил его обратно.

Сигнал.

Я вздохнул, почесал пальцами затылок и подумал:

Опять вляпываюсь в дерьмо.

— Слушай, журналисточка, — наклонился я к её уху, вдыхая сладковатый запах алкоголя и духов. — Сколько тебе осталось жить, если ты не заткнёшься и не уйдёшь отсюда прямо сейчас?

Она моргнула, пытаясь сообразить.

— Ч… Что?

Я улыбнулся.

— Правильный ответ — минуты.

Она посмотрела на меня затуманенным мозгом и снова заклевала носом.

Дура.

Я наклонился к Кире, притянул её ближе, почувствовав сладковатый запах алкоголя и чего-то ещё — то ли духов, то ли просто её кожи.

— Просыпайся, зайка, — прошептал я ей в ухо. — Нам пора.

Она замычала что-то невнятное, но я уже встал, приподнял её за талию и двинулся к выходу, не сводя глаз с незваного гостя.

Тот тоже поднялся.

И в этот момент дверь бара распахнулась.

Вошли ещё двое.

Вот и началось.

Я улыбнулся.

Спецназовцы бывшими не бывают.

Глава 12

Дрон

Кира мычала что-то неразборчивое, её горячие ладони обвили мою шею, пальцы вцепились в волосы у затылка. Чёрт, а ведь она даже пьяная умудряется попадать точно в болевые точки. Но не это заставило моё дыхание участиться.

Её бедро прижалось к моему животу, а сквозь тонкую ткань платья я почувствовал жар её кожи. Мой младший дружок, будто сорвавшийся с цепи, тут же напомнил о себе. Вот же сука, неудачный момент.

— Ты… Куда?.. — прошептала она, и её дыхание, сладкое от коктейля всей алкашки, которой она успела накидаться, обожгло мне щёку.

— В ад, зайка, — процедил я, ощущая, как по спине пробежали мурашки.

Двое у выхода уже расставили ноги пошире, приняв устойчивую позу. Один — коренастый, с перебитым носом, другой — долговязый, с пустым взглядом киллера. Оба в куртках, под которыми угадывались очертания стволов.

Третий, тот самый каменный мясник, теперь стоял у меня за спиной. Без звука. Но я знал — его рука уже на рукояти.

— Оставь девушку, — сказал коренастый, и его голос звучал так, будто он пережёвывал гравий. — Нам с ней надо поговорить.

Я медленно повернул голову, окинул их всех взглядом и ухмыльнулся.

— А если не оставлю?

Долговязый склонил голову набок, словно рассматривал диковинного зверя.

— Тогда тебе придётся уйти отсюда с пулей в колене.

— Ого, — я свистнул. — А если я скажу, что этой куколке, — я встряхнул брюнеточку в своей руке, — нравятся хромые?

Коренастый прищурился, доставая из-за пояса пистолет.

— Ты, дружок, явно не понимаешь, с кем связался.

— А ты уверен, что понимаешь? — я расслабил плечи, но пальцы автоматически сжались, готовые к удару.

Журналисточка, будто почувствовав угрозу, резко вжалась в меня, её ногти впились мне в плечи.

— Не оставляй меня им… пож...жалуйста… — её шёпот был едва слышен.

Я сжал её талию крепче.

— Молчи.

Третий за спиной сделал шаг вперёд.

— Последний шанс, браток.

Я вздохнул.

Да, они явно не знали, кто я. Им казалось, что перед ними просто очередной мудак, которому не повезло влипнуть не в то место. Они даже не догадывались, что в эту секунду я уже оценил расстояние до ближайшего укрытия, угол атаки и слабые места каждого.

Коренастый навскидку целился мне в грудь. Долговязый держал руку в кармане — вероятно, с ножом. Третий дышал мне в затылок, и я чувствовал, как он медленно поднимает ствол.

Я улыбнулся.

— Ладно, ребята. Давайте по-хорошему. Вы разворачиваетесь, уходите, и я забуду ваши лица.

Коренастый засмеялся.

— Охренел, да?

— Нет, — я покачал головой. — Просто у меня плохой день.

И в этот момент в баре погас свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.